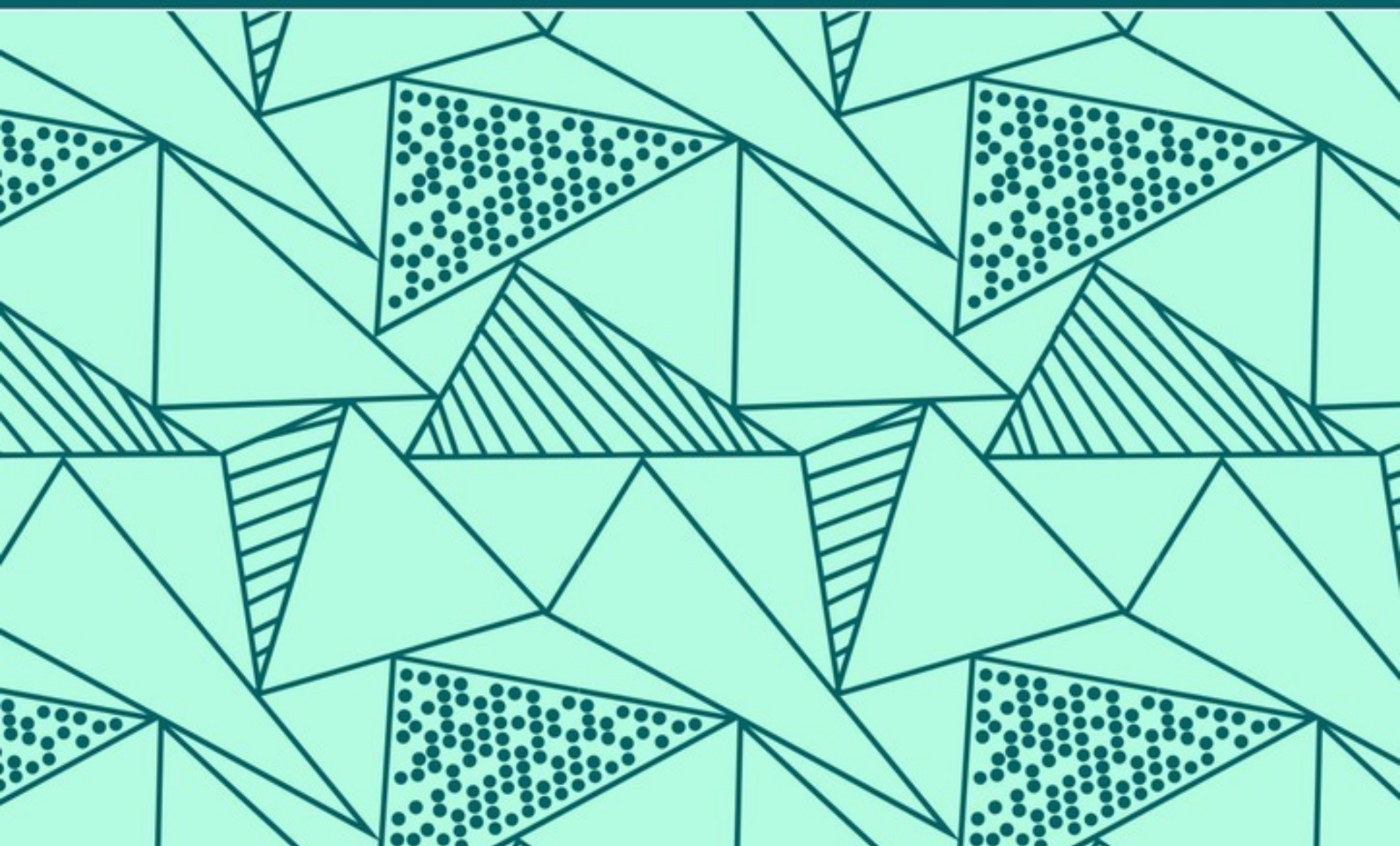

Иван Попков

*Рассказы
деда Балюка*

избранное

Иван Попков

Рассказы деда Балюка. Избранное

«Издательские решения»

Попков И.

Рассказы деда Балюка. Избранное / И. Попков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857624-9

Рассказы уральского писателя Попкова Ивана Андреевича переносят читателя в неповторимый мир русской деревни, в которой есть место и поэзии прекрасной русской природы, и красоте повседневного быта людей труда, ну и, конечно же, тайнам и чудесным приключениям. Но перед нами не сказка, автор знакомит читателя с суровыми повседневными буднями героев, не утративших веру в чудо и именно поэтому встречающих то таинственное, что помогает им скрасить серость бытия.

ISBN 978-5-44-857624-9

© Попков И.
© Издательские решения

Содержание

Гликерия	6
Витька-вихрь	9
Маришка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рассказы деда Балюка Избранное

Иван Попков

© Иван Попков, 2017

ISBN 978-5-4485-7624-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гликерия

После долгих странствий я возвращался в родные края. Когда вышел от станции на дорогу и увидел знакомые с детства места, сердце наполнилось радостной грустью. Вот мостик через небольшую безымянную речушку. Каким он был ветхим шесть лет назад, таким и остался – никто не додумался его починить. Стайка белоствольных березок сбежала с пригорка на берег озера, словно ватага девчонок, отталкивая друг друга, каждая норовит заглянуть в сверкающую гладь, будто в зеркальце.

Сабзаульский овраг. Дорога, петляя, медленно ползет в гору. По обеим сторонам – дремучий лес. То разбегается в стороны, образуя небольшие, усыпанные цветами полянки, то вновь сжимает дорогу, переплетаясь вершинами деревьев, создавая зеленые тоннели. В них сыро и сумрачно даже в самые жаркие дни. Когдаходишь в эту темноту, по телу пробегает дрожь. Нет, не потому, что здесь холодно. Я много слышал об этих местах. Совсемещё недавно здесь разгуливал свирепый и хладнокровный разбойник Спирька по прозвищу Каин. Говорят, простолоудинов он не трогал, зато не щадил богатых, в основном, попов да купчишек. Сказывают, жил здесь купец Прохор Звонов. Он все бахвалился: «Не боюсь я вашего Спирьку – и весь сказ». Однако свел его дьявол с грозным разбойником. Одним взмахом кистеня раскроил Каин череп незадачливому купцу. Даже шубу соболью не снял с него. Отвязал кошелек с деньгами и был таков. А купца оставил на дороге. Голодные волки дорешили его.

...Когда я вышел из оврага, передо мною во всю свою ширь раскинулись пастбищные луга помещика Гладышева. Легкий ветерок донёс с лугов терпкий дурманящий запах разнотравья. Солнце уже коснулось горизонта, когда я, миновав соловьиную рощу, подошел к спуску. Внизу – мост через речку Буенду, справа на косогоре – сельское кладбище. И тут заметил у моста темную фигуру. Подойдя ближе, узнал: это же бабка Гликерия со своей неизменной, до блеска отшлифованной клюкою. Она стояла от меня в полуоборот. Боже мой, как она изменилась! Время еще сильнее пригнуло её к земле. Лицо тёмное, землистое, испещренное глубокими морщинами. Казалось, Гликерия только что встала из гроба. Когда я поравнялся с нею, бабка, как-то странно вывернув голову, взглянула на меня снизу вверх:

– А зря ты, Гриня, от Маришки отвернулся. Вам была уготована счастливая судьба. Злые языки вас разлучили. Люди только вид подають, что добром к тебе. На самом деле они, завистливы. Я же тебе никогда худа не желала. Хочу дать тебе чудодейственное средство. Мне семнадцать было, когда начала собирать лечебные травы. Составила снадобье из сорока восьми трав. Испытала его на кошках, собаках и птицах. Убедилась: имеет свойство избавлять от любых болезней и ран, кроме сердечных. Сбор продлевает жизнь. Сегодня в полночь приходи ко мне и получишь этот подарок. Перейдя мост, я невольно оглянулся. Гликерии нигде не было. Исчезла, как и появилась.

Дома я никому не рассказал о встрече с бабкой Гликерией. К ночи, сославшись на духоту в хате, отправился спать на сеновал. Уснуть не мог. Гликерия не выходила из головы. Виделась Маришка. Вот она в голубом платье стоит на берегу Сима, ветер, обнимая её, вырисовывает прелестную фигуру.

К ночи погода испортилась. Подул южный ветер, по небу ползли мрачные тучи, стало заметно темнее. Я зажег спичку и посмотрел на карманные часы. Стрелки показывали без четверти двенадцать. Пора.

Пробравшись огородами, вышел в проулок. В глубине небольшой усадьбы темным пятном виднелся домик бабки Гликерии. Света в доме не было. Где-то совсем рядом залаяла собака и, скуля, перешла на вой. Дикий, протяжный вой...

Я стал вглядываться в темноту проулка. Под ольхой сидела огромная, черной масти собака. На душе сделалось муторно, и в голове мелькнула мысль: зачем мне все это?

Не лучше ли вернуться на сеновал, зарыться в душистое сено и спокойно отоспаться, отдохнуть от долгой и утомительной дороги? Но любопытство взяло вверх. Ровно в двенадцать в хате вспыхнул огонек. Скрипнув калиткой, я прошел по заросшей бурьяном тропинке. С огромным трудом открыв дверь, нагнувшись, вошел в хату. На меня пахнуло сыростью и застоявшимся воздухом. В хате царил полумрак.

Гликерия никак не отреагировала на мое появление. Она во всем черном сидела неподвижно за маленьким столиком, не моргая, смотрела на слегка колеблющийся огонек свечи. Минуты три в хате стояла гробовая тишина. Наконец, бабка, слегка повернувшись ко мне, тихо произнесла:

– А, Гриня, пришел? Вон там, на подоконнике, снадобье, возьми его. Да сопутствуют твоей жизни покой и благополучие.

Я подошел к окну и, взяв мешочек, обернулся. Гликерия, опершись клюкою в пол, поднялась со стула. Лицо ее вдруг начало терять очертания, и сама она стала таять на моих глазах, будто восковая фигура при повышенной температуре, превращаясь в бесформенную массу. Погас и огонек свечи. В хате стало темно, будто в могиле. Меня обуял страх. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ноги отказались повиноваться. Почти не отрывая их от пола, шаркающей походкой я прошел к двери. Обо что-то сильно ударившись головой, я плечом выдавил дверь и очутился во дворе. Каким путем шел к дому, не помню.

Утром меня разбудили солнечные лучи, проникшие сквозь соломенную крышу сарая. Во всем теле чувствовалась страшная усталость.

– Что за чертовщина? Какой странный сон, – подумал я. Пошарив вокруг себя и обнаружив мешочек со снадобьем, убедился, что свидание с Гликерией было наяву. Появилось желание рассказать кому-нибудь о ночном происшествии. Витька-Вихрь. Ну, конечно, с ним я могу быть откровенным. Запрятав глубже в сено мешочек со снадобьем, я отправился к Могуриным.

Я рассказал о ночном происшествии. Витька с минуту молчал.

«Да, ты разве не знаешь, что Гликерия умерла ровно год назад?»

Это известие меня потрясло. Мы с Витькой решили расследовать ночное происшествие по свежим следам и направились на усадьбу бабки Гликерии.

Витька, словно опытный сыщик, обследовал наружную дверь, все прошупал;

– Ну и силища у тебя. Дверь с гвоздей сорвал.

В хате – тишина. Возле печки – железная кровать, застеленная темным клетчатым одеялом. У окна – небольшой столик. На нем в блюдце, огарок восковой свечи. Рядом со стулом лежала знаменитая клюка бабки Гликерии.

Всё в хате было покрыто толстым слоем пыли. Я подошел к окну. На подоконнике, откуда я взял мешочек со снадобьем, четко вырисовывался его след...

Вышли мы из хаты ошеломленные. К нам подошел, прихрамывая двадцатилетний Колька Вдовин.

– Чего с ногой-то? – поинтересовался Витька. – Ещё зимой катались с пацанами с горки возле кладбища, и врезался на санках в каменный могильный памятник. До сих пор рана не заживает.

– А что если попробовать бабкино снадобье? – вдруг осенило меня. Мы затащили «больного» на сеновал.

Обработали рану, сделали перевязку. И уже через три дня Колька смело наступал на переставшую болеть ногу.

Витька-вихрь

В любом селении есть человек, который ничем не отличается от других. Живет той же размеренной жизнью, как и все. Дышит тем же воздухом. А попробуй, убери его из общества... Сразу почувствуешь пустоту.

Есть и у нас на селе такой человек. Это Виктор Пантелеевич Могурич. А живет он вон в том доме, что за оврагом. В хозяйстве – корова, две лошади, более десятка овец да гусей стая. Благо, пруд рядом.

Во времена коллективизации Виктор Пантелеевич одним из первых вошел в колхоз. А через полтора года сам же его и возглавил. Человек от земли, он сумел поднять коллективное хозяйство. Селяне жили зажиточно, не обижались на своего председателя. В 1941 году Виктор Пантелеевич ушел на фронт. После двух тяжелых ранений, длительного лечения в госпиталях вернулся в 1944 году в родное село.

Жили мы с Виктором Пантелеевичем по соседству. Жили довольно дружно. Да что там, мы с Виктором, почитай, с раннего детства неразлучные товарищи.

Чудесный рассказчик и великий фантазер, Виктор Пантелеевич любил мечтать. И всегда ему будущее виделось прекрасным и счастливым. Глаза в это время у него начинали светиться, излучая радость. Глядел я в такие минуты на него и вспоминал подвижного паренька с непокорным чубом и черными, как у цыганенка, глазами – Витьку-вихря.

Не по годам смывленный, Витька никогда и ничто не делал с кондачка. Вначале подумает, взвесит. Потому его поступки редко подвергались сомнению. Это Витька-вихрь со своими друзьями отремонтировал крышу дома у тётки Софьи. Муж у нее погиб на германской, оставив четырех несовершеннолетних детей. Частенько вихревские наведывались на хутор к стасемилетнему деду Силуяну, чтобы помочь ему по хозяйству. Да мало ли добрых дел на счету Витьки и его друзей? Но пацаны есть пацаны. Иногда Витька по-мальчишески шалил, организовывая вылазки на чужие огороды. Но и здесь он проявлял свою, вихревскую, гуманность. Залезли, полакомились – и баста. Боже избавь, если кто вздумает про запас бросить за пазуху яблоко или огурец! Тут же схватит от Витьки по загревку.

У нас с Витькой была крепкая, бескорыстная дружба. Помню, всего лишь один раз мы с ним повздорили. Недели две Витька обходил меня стороной. А всё из-за попа нашего сельского, отца Василия. Был постный день. На дворе морозно. Витька возил отцу Василию дрова с делянки. Горяч он был до работы. Время чуть перевалило за полдень, а Витька уже третий воз разгружал. Он заканчивал укладывать последние поленья, как на крыльце появился отец Василий да так громко рыгнул, что Витька оглянулся.

Крупный, мясистый нос отца Василия багров, щеки румяны от обильно принятой пищи. «Успел уже хватануть первача», – подумал Витька.

– Ну, на сегодня хватит, сынок, заканчивай да иди обедать, – нараспев проговорил отец Василий

Витька распряг кобылу, завел ее в конюшню и кинул охапку сена.

В хате жарко, на столе обилие пищи. Дымился горячий борщ. На подносе – куски мяса, ломти черного хлеба. Витька как-то неловко сел на край скамейки и, положив руки на колени, сидел неподвижно.

– Ты что? Кушай, не стесняйся, поработал ведь, – пропел отец Василий.

– Дык, нынче постный день, – несмело прошептал Витька.

– Кушать не грешно, – поспешил успокоить Витьку отец Василий. – Господь тебя простит. Витька окинул взором хату батюшки и остановил свой взор на накрытой разным тряпьем бадье, стоящей у печки.

– Вы, батюшка, плеснули бы мне в стакан горячительного. С устатку. Сами-то вон причастились.

– Чево-о-о-о?! – прогремел отец Василий. – Ах ты, стервец. Указывать мне вздумал. Да я тебе!

Витька соскочил со скамьи и боком, боком пробрался к двери. Схватил свой полушубок, шапку и был таков...

Теперь я должен читателю объяснить, почему Витька сознательно пошел на конфликт с отцом Василием.

Еще и двух лет не прошло, как впервые в нашем селе появился новый батюшка, сорока двухлетний отец Василий. Однако вскоре прихожане заметили, что он частенько бывает под хмельком – даже во время службы. И уж больно он охоч до женского пола.

Витькина сестренка Аленка – шустрая, общительная девчонка, в карман за словом не полезет. Отец Василий счел ее за распутницу, и однажды, встретившись с ней, сказал:

– Ты вот что, Аленушка, зайди вечером ко мне. Я кое-что прочитаю тебе.

Алена без задней мысли зашла вечером в храм божий. И когда отец Василий стал её домогаться, она, вырвавшись из его объятий, звонко дала ему пощечину и убежала.

Дома она все поведала Витьке. Родителям о случившемся не рассказали...

Витька шел домой от попа разгоряченный, рассуждая о том, что произошло.

– Нет, – думал Витька, – все равно я ему устрою такое, что он всю жизнь будет помнить.

И вскоре такой случай представился. Мой дядька по матери Андрей Макарович служил в церкви старостой. Как-то мы с Витькой зашли в храм. Дядька занимался своим делом, а мы с Витькой ходили по церкви, разглядывая всевозможную церковную утварь. Вдруг Витька поднял с пола какие-то кусочки и стал их рассматривать.

– Гриня, смотри, кажись, свиные шкварки. Мы показали свою находку дяде Андрею.

– Откуда могло появиться такое, да в Великий пост?

Однако это были лишь цветочки. Невероятное случилось через три дня. Андрей Макарович обнаружил рядом с ризой попа сверток, в котором были кусок свиного сала и ломоть хлеба. Мой дядя решил этот случай придать огласке. Он обратился к девяностолетнему деду Макару.

Дед Макар значился на селе поистине святым, и его слово было законом для всех верующих. Собрали сельский сход. И решилась судьба отца Василия: его отстранили от церкви...

Лишь через неделю Витька рассказал мне, что это он подбросил шкурки от сала и сверток попу Василию. Я с минуту молчал, не решаясь отреагировать на поступок моего друга.

– Способ отмщения ты выбрал не тот. Это явный подлог. И в Библии сказано: «Господи, не в ярости Твоей обличай меня, и не во гневе Твоем наказывай меня».

Витька молча и покорно выслушал и в резкой форме заявил:

– Ну и осуждай меня, как знаешь. А я попу отомстил за свою сестренку.

* * *

Была у Витьки страстная и непреодолимая тяга к лошадям. С ними он мог находиться и день, и ночь. Его любимчик – Буран, темно-карий жеребец со звездочкой на лбу. Витька хорошо помнит ту выюжную февральскую ночь, когда Карюха разродилась жеребенком. С тех пор они с Бураном вместе. Терпеливо и настойчиво Витька ухаживал и обучал жеребенка. Привыкли они настолько друг к другу, что Витька мог распознать Бурана по голосу среди тысячного табуна. Стоило ему крикнуть: «Буран!» – и жеребец, тряхнув гривой, бежал на зов своего хозяина. Наездника ловчее Витьки не было во всей округе. В мгновение ока он вскакивал на спину любимца. Без седла и уздечки, прильнув к холке коня, поднимал его на дыбы. И вот он уже летит по полю, вольный, как ветер, навстречу пылающей утренней заре. А какие выкрутасы делал Витька на Буране! Ей Богу, смотришь – и диву даешься, как только он держится на коне.

И все же однажды ему пришлось расстаться с Бураном... Старшие Могурины уехали в соседнее село на именины, Витька сидел в хате на лавке, чинил хомут. Алёнка затеяла стирку. Дверь хаты раскрыта настежь, стояла июльская жара.

Аленка, развесив во дворе белье, поспешно забежала в хату и, тронув Витьку за плечо, позвала пальцем. Тот, воткнув иглу в кошму, отложил хомут и подошел к окну.

Напротив дома стояли трое беляков: офицер в до блеска начищенных сапогах и двое солдат в новенькой форме. Офицер что-то говорил солдатам, то и дело похлопывая ременной плеткой по сапогу. У Витьки сжалось сердце от недобрых мыслей. «Слава, Богу, пронесло!» – вздохнул он, когда беляки отошли. Но они остановились против дома Свериденко. Снова офи-

цер, размахивая плеткой, о чем-то рассуждал с солдатами. Наконец, направился к дому Могуриных. Витька пулей выскочил во двор. Он пытался подпереть дверь конюшни стоявшими вблизи санями. Но не успел. Беляки вошли во двор. Офицер подошел к сараю и, указав рукояткой плети на дверь конюшни, приказал Витьке:

– Открой, посмотрим, что там есть.

Витька стоял молча, подперев спиной дверь.

– Тебе, говорят, сосунок! – гаркнул офицер.

Но Витька не шелохнулся даже тогда, когда ременная плеть обожгла ему левую руку и низ живота.

– Что стоите, истуканы? – заревел офицер на солдат. – Уберите этого упрямца...

И солдаты, заломив Витьке руки, оттолкнули его к саням.

Через минуту один из солдат вывел из конюшни Бурана. Жеребец высоко вздымал голову, пытаясь вырвать уздечку из рук солдата.

– Вот это красавец! – смачно восхитился офицер. – Тебе не упрямитесь надо, а гордиться: твой конь будет служить в русской армии и выполнять благое дело – освобождать Родину от большевистской нечисти. Уведите коня!

Редко кто видел слёзы на глазах у Витьки. А теперь он плакал. Плакал, не стыдясь своих слез. Подошла Аленка.

– Ну, хватит, Вить. Перестань. Что теперь поделаешь, – успокаивала она брата. Но, глядя, как у Витьки вздрагивают плечи, и сама разревелась...

Прошло три недели. Витька похудел, лицо стало серым и скучным. Он часами ходил бесцельно по двору, то и дело заглядывая в конюшню. Но чудеса бывают только в сказках. В конюшне по-прежнему стояла одна Карюха, громко пережевывая свежее, еще влажное сено.

Витька остановился около саней и стал их рассматривать. Ещё ранней весной он надумал сделать крытый возок, заготовил все детали. Осталось возок собрать.

Витька машинально вошел в сарай снял со стеллажей заготовки и инструмент. И только приступил к работе, как услышал дробный лошадиный топот. Отложил молоток и взобрался на лестницу, прислоненную к сараю. Вздымая клубы пыли, в село входила конница. По форме Витька понял: белые! Впереди, на темно-карем коне, ехал офицер.

– Буран! – Витька распознал и всадника. Это был он, полковник Душицкий, командир белогвардейского полка. Сердце Витьки заколотилось, обида вновь переполнила его. К горлу подкатился комок. И он чуть было не заплакал. Из хаты выскочила Аленка:

– Видел?

– Видел. Я ему этого никогда не прощу, – выдохнул Витька. И он тут же поделился с сестрёнкой своими планами, предупредив, – только смотри, родителям ни слова.

Вечером, как только опустились сумерки, Витька, соблюдая предосторожность, исследовал и без того знакомую усадьбу Фомы Минина, местного богача. Здесь остановились белые офицеры. Огромная конюшня стояла задней стеною у самого оврага, Витька детально изучил, как незаметнее попасть туда...

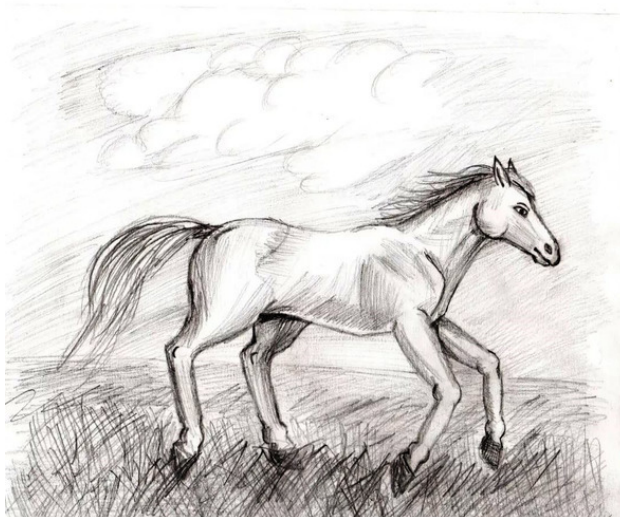
Утром рано по селу поползли слухи. Судачили разное. Авдотья Чушева, озираясь опасно по сторонам, шептала своей соседке.

– В штабе беляков нынче ночью коней выкрали!

Слышала, – также шепотом отвечала

Фроська Зобова. – Говорят, и Витька Могурин там был...

А в это время Вихрь стоял перед командиром полка «красных» Федоровым в его кабинете. Витька подробно рассказал, как он из штабной конюшни забрал своего любимца Бурана. И как всю ночь блуждал, разыскивая красных конников.

– Молодец, Могурин, молодец, – простуженным голосом сказал комполка. И после небольшой паузы спросил:

– А годков-то тебе сколько?

– Восемнадцать, – не задумываясь, ответил Витька.

Витька солгал. Ему и до семнадцати не доставало двух месяцев, он боялся, что его, малолетку, могут не принять в отряд.

– Да ты присаживайся, – указал Федоров на стоящий у стола табурет. Вместе подумаем, куда тебя определить.

– Я бы в разведку хотел! – просяще произнес Витька. – Здешние места хорошо знаю, пользы от меня будет больше.

Да ты что думаешь, мы засидимся в этих местах? – усмехнулся комполка. – Нынче вон как развиваются события. Еще немного – и мы Колчака выьем с Уфы. Так что, ты пока останешься при штабе. Конь у тебя хороший. Будешь связным, а там посмотрим.

Прошло более месяца, Витька привык к далеко не легкому фронтовому быту. Стал серьезнее и осмотрительнее. И уже успел понюхать пороху.

Поручили ему тогда пакет доставить в эскадрон Петряева.

Когда Витька выехал, солнце катилось к полудню. Версты четыре дорога петляла по лесу. Выбравшись на простор, Витька пустил коня мелкой рысью. Справа зеленой стеной стоял лес, слева раскинулись поля.

Вдруг Витька заметил двух всадников. По форме это были беляки. У одного из-за спины виднелась винтовка. Другой держал винтовку наперевес.

Витька нащупал в кармане револьвер. Но вступать в схватку с двумя вооруженными было безумием. И он резко повернул коня, нагнулся к холке и прошептал: «Бурани, уходим». Слегка пятками ударил его в бока. Беляки Витьку заметили и пустили в ход оружие. Пуля просвистела совсем рядом. Витька оглянулся: расстояние между ним и беляками увеличивалось. Вдруг он почувствовал, как пуля обожгла его возле виска, содрал слегка кожу.

Теплая струйка побежала по щеке. Небольшой поворот – и Витька скрылся за кустарниками орешника.

Где-то здесь должна быть просека... Он увидел едва заметный прогал и въехал в просеку. Ветки били по лицу и рукам. Но у Витьки – одна мысль: уйти.

Так скакал около часа. Стало светлее. Витька облегченно вздохнул, когда выехал из леса. Но здесь его подстерегала новая опасность, Метрах в десяти от просеки он увидел всадника. Это был с пышными усами, в серых погонах беляк.

– Ну, хлопца. Куды путь держимо?

Беляк изъяснялся наполовину по-русски, наполовину по-украински.

– Мать у меня больна. Вот еду за доктором – соврал Витька. Глядя пристально на Витькиного коня, беляк продолжал допрос:

– Конь у тебя дюже хорош. Ты, хлопец, случайно не из Покровки? У нашего полковника две недели назад такого же коня выкрали.

– Да вы что, господин офицер! Живу я здесь недалеко, на хуторе Вишневом, – горячо «доказывал» Витька,

– Ну, ладно. Поедем до нашего штабу. Там разберутся, кто ты есть, – спокойно заявил беляк. – А, можа, у тебя документы какие есть? Покажь мне.

– Документы, конечно, есть. Сейчас, – и Витька, опустив руку в боковой карман, молниеносно выхватил пистолет и всадил одну за другой две пули в беляка.

Беляк, выронив ружье, схватился обеими руками за грудь и медленно стал сползать с коня. Свалившись головой вниз, он одной ногою зацепился за стремя, Витьку бросило в пот. Он почувствовал, как за пазухой пакет прилип к взмокшему животу. Витька слез с коня, подошел к убитому, расстегнув верхний карман гимнастерки, извлек аккуратно завернутые в тряпицу документы. Развернув удостоверение, прочитал: Жарденко Григорий Федорович, подпорщик 164-го пехотного Луцкого полка. Витька благополучно доставил пакет в распоряжение эскадрона. Здесь ему обработали рану, сделали перевязку. В свой отряд он вернулся только вечером.

* * *

Прошло три месяца, как Витька-вихрь в отряде. Он по-прежнему исполнял обязанности связного при штабе. В отряде Витьку уважали за его добрый нрав, за твердый и справедливый характер – особенно после того, как сам Федоров на плацу, перед строем объявил ему благодарность за проявленные находчивость и отвагу при доставке секретного пакета. Даже Гришка Минибаев, безобидно шутивший над Витькой, называя его «необстрелянным», теперь подружился с Вихрем. Минибаев, пятью годами старше Витьки, значился опытным разведчиком и обещал его перетащить в разведгруппу...

Как-то Витка, вернувшись в отряд после очередного задания, привязал Бурана к коновязи и направился к штабу. У крыльца его встретил Минибаев.

– Привет! – Гришка хлопнул его по плечу. – А я тебя давно жду. Пойдём, тебя мой шеф вызывает.

– Да ты скажи, в чем дело, – устало поинтересовался Витька.

– А в том, – лукаво улыбнулся Гришка, – что сегодня ночью с нами в разведку идешь: ты, я и Вася Копань.

У Витьки аж дух захватило от такой неожиданной новости. Разведка – давняя его мечта.

– Пойдем, сейчас тебе все объяснят, – и Гришка, взяв Витьку под руку, затащил его в кабинет начальника разведгруппы. В кабинете лейтенанта Туманова сидел Вася Копань. Они о чем-то беседовали.

– Ну, кажись, все в сборе, – взглянув на вошедших, сказал Туманов.

Он подробно объяснил разведчикам цель их ночной вылазки в село Покровка. На выполнение задания отводилось 6 часов.

– Помните, вы обязаны вернуться в отряд не позднее трех ночи. В общем, действуйте по обстановке. Я вам доверяю, – в заключение сказал начальник разведгруппы.

Почти всю дорогу разведчики ехали лесом, лишь в двух местах пересекли небольшие поляны. К Силуанскому хутору подъехали, когда сумерки опустились на землю. Дед Силуан был предупрежден. Он напоил ребят горячим чаем, объяснил им, как незаметнее пробраться к селу. Здесь разведчики разделились. Вася Копань пошел на встречу с Аникиным. А Витка и Григорий направились через кладбище – к штабу беляков. Витька до боли в глазах всматри-

вался в жгучую темноту огорода. Часовой стоял на углу конюшни. Вот он, чиркнув спичкой, закурил. Огонек папиросы, то вспыхивая, то снова угасая, еле светился в непроглядной темноте. – Вот стервец, стоит как вкопанный, – нервно прошептал Гришка Минибаев.

И снова тишина. Лишь кое-где лаяли собаки. Беляк стал медленно пробираться вглубь огорода, раздвигая разросшиеся кусты картофеля. Он остановился почти напротив разведчиков, поставил ружье, расстегнув ремень, опустил на корточки.

Гришка, словно пантера, в два прыжка очутился рядом с часовым. Витька едва успел за Минибаевым. Мгновение – и у беяка уже связаны руки за спиной. Витька прочно засадил ему кляп в рот.

Часового оттащили за плетень, он все еще ворочался, пытаясь вырваться, и тяжело дышал.

Вроде, все идет по плану, – удовлетворенно прошептал Минибаев и слегка толкнул Витьку в плечо. – Давай, последний рывок.

Витька пробрался к конюшне и нырнул в небольшое окно. Здесь все ему было знакомо. Ведь отсюда он три месяца назад вывел своего Бурана.

Витька осторожно подрезал подбрюшные ремни у всех шести коней. Надрезал так, что в седло сесть можно, а вот поехать – вряд ли. И быстро выбрался наружу.

Разведчики собрались на хуторе у Силуана, подытожили свои действия.

– Время – два часа ночи, – предупредил дед Силуан. – В путь!

В отряд разведчики прибыли на десять минут раньше назначенного времени, с трофеями. От «языка» добились ценных сведений... Покровка спала крепким предутренним сном.

Лишь кое-где покрикивал невпопад петух, и снова тишина. Разведчики бесшумно сняли белогвардейских часовых у крайних домов. В 6.00 взвилась зеленая ракета. Со стороны небольшой деревушки Клин двинулись на Покровку эскадроны Федорова. С левого фланга шли отряды Петрищева. А справа надвигалась на село конница Каширина.

Внезапно с трех сторон на белогвардейцев обрушились отряды красных конников. Для бегства врагу оставался единственный коридор – это дорога на Богдановку. Но и здесь их встретили ураганным огнем отряды Федора Аникина. С двух сторон их косили красноармейцы из четырех «максимов». Завязался жестокий бой. Лязг клинков и сабель заполонил всю округу. Ржание коней и возгласы бойцов раздавались всюду.

Жутко было смотреть на это побоище. Столкнулись две крупные силы, но на стороне красных было явное преимущество. Внезапность налета дала хороший эффект. Бой закончился только к обеду. На поле брани валялись сотни белогвардейских трупов. Лишь небольшой горстке удалось прорваться сквозь кордоны красных и скрыться.

В этом бою было ранено тринадцать наших бойцов. Тяжелое ранение получил командир эскадрона Петрищев.

Всех раненых поместили в госпиталь, расположенный в палатках, в леске, рядом с Покровкой.

К вечеру все утихло. День был погожий, солнечный. В Покровку входила красная конница, одержавшая блестящую победу над белогвардейцами. Впереди ехали командиры во главе с Федоровым, за ними следовали младшие командиры. Знаменосец высоко держал боевое знамя. Встречать красных конников высыпало все село.

– Глянь, кажись, Витька Могурин, – удивился кто-то в толпе.

– Точно, он, Вихрь, – подтвердил другой голос. Рядом с младшими командирами на темно-карем жеребце со звездочкой во лбу ехал молодой красноармеец в буденовке.

– Витка!.. Витка! Вихрь! – дружно кричали возбужденные ребята вслед своему кумиру. Он же, поравнявшись со своим домом, свернул к воротам, где стояли его отец, мать и сестра Аленка.

Мать долго не выпускала сына из своих объятий. Заметив розовый шрам у виска, молча уронила слезу.

– Ну, ладно, мама, я скоро вернусь. А теперь некогда, – ласково произнес Витька. И ловко впрыгнув на Бурана, поехал догонять своих...

Маришка

В среду вечером зашёл ко мне Янька Елисеев, друг мой из Богдановки. – Гриня, друг, выручай. Старики свадьбу затеяли. Мою сестру Фроську замуж выдают. У нас на всю деревню один гармонист, да и тот уезжает на неделю в Златоуст. Поиграй, а?

Свадьбу Елисеевы закатили шикарную. Почти вся деревня гуляла. Столы установили во дворе, под яблонями. После трёх-четырёх тостов свадьба загудела. Старики в обнимку, слегка покачиваясь, затагнули «По диким степям Забайкалья». Разнаряженные парни, девчата не жалели своих каблуков. Особенно вон та девушка, в голубом атласе: талия в обтяжку, гибкая, как лоза. Она задорно прошлась по кругу. Крутнулась на месте, обнажив точеные ножки выше колен. И снова дробь каблуками. Как она пляшет! Сколько в ней задора! Я спросил у подошедшего ко мне Яньки:

– Не знал я, что у вас такие девчата. Кто такая?

– О, Это наша Маришка. Только ты того, не заглядывайся на неё...

Я не придал значения Янькиным словам. Да и поздно было. Маришка зажгла в сердце искорку.

Поле небольшого перерыва девушка подошла ко мне:

– Парень, – сыграй что-нибудь трепетное, цыганское.

Маришка вышла в круг. Гордо подняла голову. И по-ш-л-а! Какой ритм, какая гибкость, пластичность движений. И вот Маришка на коленях, вибрируя плечами, запрокинула голову так, что темный роскошный шелк ее волос касался земли. Я был в восторге. И тут же подумал: откуда у Маришки такой горячий, поистине цыганский темперамент.

Время полночь. Луна, лимонным светом пробивая густую крону яблонь, бросала блики на усталых трапезников. Свадьба заметно поредела. Бабка Жидориха в одиночку надрывала свои осипший, пропитой голос. А рядом нею слегка похрапывал дед Пантелеи, уложив свою окладистую бороду в недоеденную миску с холодцом. Молодежь никак не хотела расходиться, окружив гармониста: такое веселье нечасто бывает. Когда я провожал Маришку. в деревне ни одно окно не светилось, все спали крепким предутренним сном. Прогорланил петух. Это петух бабки Жидорихи. Поет, как и сама хозяйка – громко, с надрывом.

Маришка жила на краю деревни в старом деревянном домике под соломенной крышей. «Такая видная, красивая девушка. Ей бы в хоромы жить», – подумал я.

Прошло три недели. Я буквально потерял голову. Образ Маришки преследовал меня днем и ночью. Богдановка стала для меня родной. Здесь я бывал каждый день...

...Начало июля, пора сенокосная. Луга дышали терпким, пьянящим ароматом разнотравья. От легкого ветра тихо покачивались метелки пырея. Мы шли с Маришкой рука об руку. Вдруг она остановилась, прерывисто дыша, обвила мою шею руками и одарила меня долгим, горячим, упоительным поцелуем. И тут же ласково, слегка оттолкнув меня, тихо произнесла:

«Догонишь – вся твоя».

Но не пробежав и десяти шагов, запуталась в траве. Мы упали. Вокруг нас плотной зеленой стеною трава. Да наверху рваный, выцветший под палящим июльским солнцем, кусок небесного ситца. Словно бубенчик, звенел жаворонок. Но мы его почти не слышали. Во всей вселенной были только мы: я и Маришка...

В Богдановку мы с Маришкой возвратились поздно... По дороге нас нагнал Янька. «Т-п-р-у-у!» – натянул он вожжи, поравнявшись нами. Минут через десять мы приехали в деревню. Маришка прыгнула с тарантаса. Попрощавшись с нами, не смущаясь Яньки, чмокнула меня в губы, помахала ручкой и, звякнув щеколдой калитки, скрылась в густых зарослях сирени. С минуту мы с Янькой ехали молча.

– Слушай, Гриня, – осторожно произнес Янька. – Останься сегодня у меня. Заночуем на сеновале. В хате нынче духота.

...Мать Яньки нарезала нам ломтей черного хлеба, поставила кринку молока. Мы, наскоро поужинав, забрались на сеновал. Янька спросил;

– Гринь, у тебя с Маришкой что-нибудь серьезное?

– Ты ведь Кольку Якимовца знал? – начал Янька издалека. – Хороший парень был, статный, красивый. А пропал ни за что ни про что. Шестнадцать тогда Маришке было. Любовь у них была. А когда родители Кольки узнали про то, напрочь запретили ему встречаться с Маришкой. Крепко он тосковал. А потом Колька исчез. И вот уже два года, как след его пропал. Говорили, будто волки его задрали, а следов по сей день никаких. Сгинул – и всё..

– Чарами какими-то она обладает, – вздохнул Янька. – Был ты хоть раз у неё в доме? У них ведь иконы маломальской нету. Нехристи они, вот что. Ты, Гриня, знаешь, что отец у Маришки таборный цыган? Первый конокрад в округе. Он и не жил никогда с ними. Мать у нее умерла годов десять назад. И говорят, она занималась колдовством. Маришку тому же обучала. Я бы посоветовал тебе, Гриня...

– Но ведь она хорошая, добрая!

Я нервно вскочил:

– Слушай, Янь, я пойду домой. Нехорошо что-то у меня на душе. Не обижайся.

Когда я проходил мимо Маришкиного дома, услышал, как звякнула у калитки щеколда. Но никого возле калитки не увидел. Решил пройти по тропинке через лес, чтобы сократить путь. Сумерки уже опустились на землю, и я еле различал тропу. Вдруг что-то под моими ногами зашуршало. Я зажгёт спичку и осмотрелся вокруг. Ёжик! Я выпустил подол рубашки и осторожно закатил малыша в него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.